

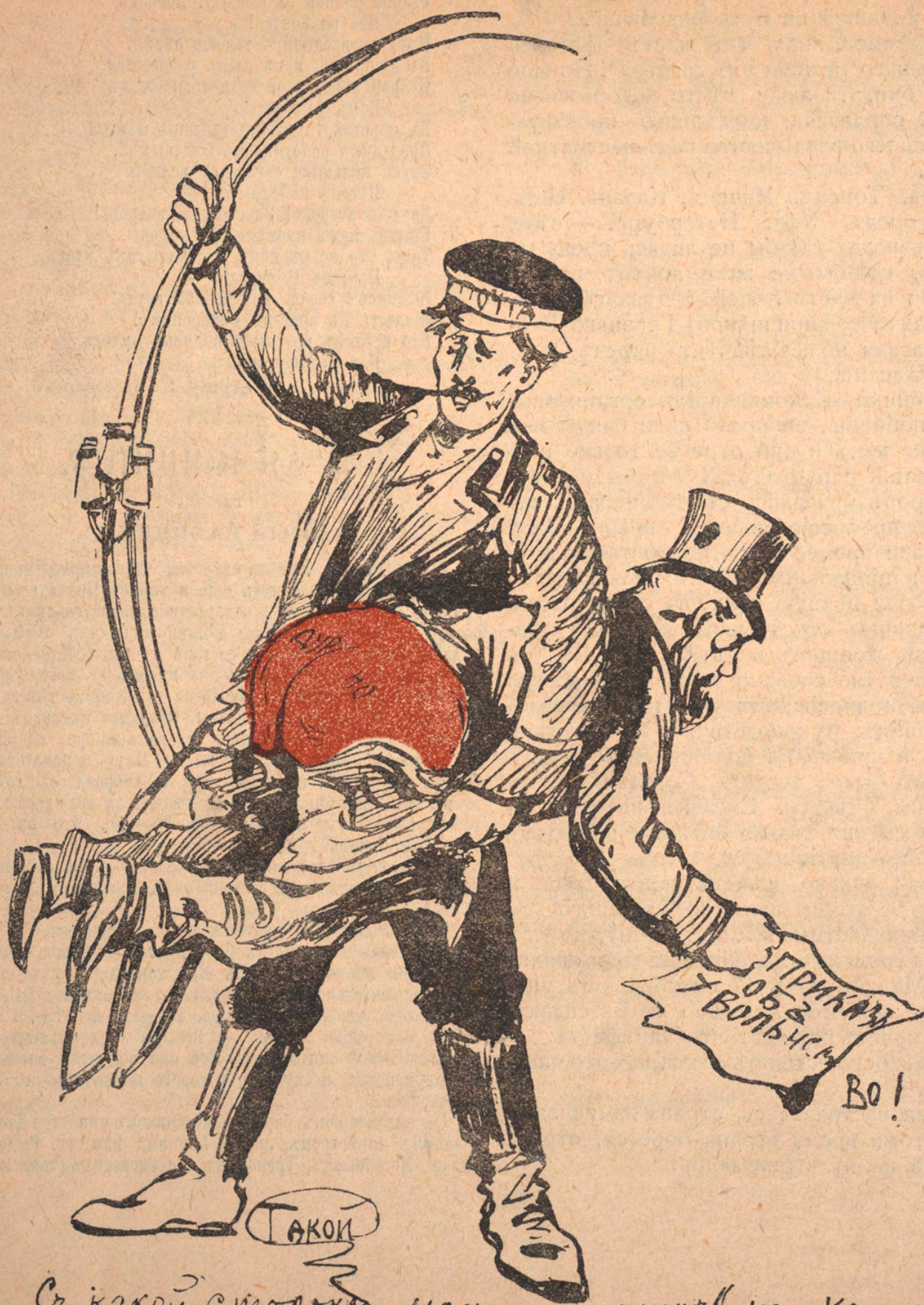
„СВОБОДА“

ГОДЪ 1.

1905.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

СПБ.
КИОСКЪ
В. А.
РАШНИКОВА
ЦЕНА 5 КОП

Съ какой стороны можешь покраснѣть не „Красный“

Петербургъ.

Задача нашего изданія всѣми силами, всѣми средствами, всѣми способами, помочь отживающему, насквозь прогнившему режиму, скорѣе уйти съ залитой кровью невинныхъ арены, уйти съ позоромъ, какого онъ достоинъ.

Мы смѣемся теперь надъ самодержавнымъ правительствомъ, потому что нельзя не смѣяться, когда жалкіе безсильные люди вообразили себя „командирами“ надъ страной, вступившей на путь революціи.

Мы смѣемся, зная, что ждетъ дѣятелей отживающаго режима ихъ „завтра“. Но еще „вчера“ они, эти люди, мѣсто которымъ на каторгѣ, справляли послѣднюю кровавую тризну своего владычества надъ несчастной страной.

Одесса, Томскъ, Минскъ, Казань, Нижній-Новгородъ, Уфа, Петербургъ — нѣтъ такого города, гдѣ-бы не лилась кровь по улицамъ, гдѣ-бы не жгли домовъ, гдѣ-бы не рвали на части людей, издѣваясь и насильничая хуже опричниковъ Грознаго. Варооломеевская ночь блѣднѣетъ передъ Одесскими ужасами.

Разбойники — „командиры“, организовывавшіе побоища, набирали свои банды изъ такого-же какъ и они отребья только низшихъ званій и ранговъ. Хулиганы изъ губернаторовъ братались съ сутенерами, ворами и профессиональными грабителями, устраивали процессіи съ портретами Государя и національными флагами, возбуждая и направляя пьяную толпу на гражданъ, не примыкавшихъ къ гнуснымъ актамъ произвола, на женщинъ и дѣтей.

Духовенство словами, вложенными въ его уста въ полицейскомъ участкѣ, благословляло убійцъ, руководствуясь не заветами Христа, а приказами полиціймейстеровъ.

Все это было „вчера“. „Сегодня“, повторяемъ, мы смѣемся. Смѣемся потому, что „черныя сотни“ только сотни, а въ рядахъ революціи—милліоны.

„Вчера“ однако можетъ повториться и „сегодня“. Чтобы навсегда покончить съ этимъ ненавистнымъ „вчера“, нужно добиваться полного паденія самодержавнаго строя. Манифестомъ 17 октября онъ уничтоженъ, но правительство не въ силахъ, или не хочетъ осуществить манифестъ.

Будемъ осуществлять его сами—это наша тактика.

Страна изстрадалась, страна измучилась! Но въ тоже время страна борется, страна вступила на путь революціи!

Къ краснымъ знаменамъ!

Выкинемъ сердце изъ слабой груди!
Жалость къ врагамъ похоронимъ!
Кто противъ красныхъ знаменъ—уйди,
Иль мы прогонимъ...
Врагъ нашъ не дремлетъ—онъ точитъ мечи.
Въ пышныхъ палатахъ смятенъ...
Дружно впередъ! Пусть дрожатъ палачи...
Будетъ сраженіе!
Ждетъ насъ побѣда! За нами народъ!
Праведный судъ совершится...
Тѣсною толпой за свободу! Впередъ,
Кто не боится!
Миру развратному—тысячи лѣтъ...
Въ день онъ, какъ дымъ разнесется.
Искрой коралловой солнечный свѣтъ
Намъ улыбнется.
Въ царствѣ труда будетъ пиръ молодой,
Праздникъ работниковъ блѣдныхъ...
Звуки польются согласной волной
Пѣсенъ побѣдныхъ.
Дружно впередъ! За свободу, впередъ!
Шлютъ намъ привѣтъ всѣ народы...
Тотъ, кто не съ нами, тотъ противъ идетъ,
Противъ Свободы!
Выкинемъ сердце изъ слабой груди!
Жалость къ врагамъ похоронимъ!
Кто противъ красныхъ знаменъ—уйди,
Иль мы прогонимъ...

Сергій Безпросвѣтнѣй.

ЛИХАЯ КОННИЦА

или

ТАЙНЫЙ КАБИНЕТЪ.

Теперь ни для кого не секретъ, что помимо явнаго правительства, у насъ есть еще и тайное. Правительство г. Витте само по себѣ, а неизвѣстное правительство само по себѣ, причемъ послѣднее доминируетъ надъ первымъ и даже имѣетъ въ своемъ составѣ своихъ собственныхъ агентовъ. Еще такъ недавно оно никакъ не хотѣло разстаться съ Треповымъ, который съ такой наглостью издавалъ свои Манджурскіе приказы. Общество наконецъ заставило смѣнить этого боевого генералъ-майора, но зато получило въ подарокъ г. Дурново. Надо признаться—весьма неприятный подарокъ. Кто же покровительствуетъ этимъ самоувѣреннымъ ничтожествамъ, за кого держался генералъ Треповъ, а теперь—г. Дурново. Что это за тайный кабинетъ?

Мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ вполне определенно и ручаемся за достовѣрность сообщаемыхъ свѣдѣній.

Тайный кабинетъ состоитъ изъ г. Фредерикса и г. Мосолова. Первый—министръ Двора, а второй—начальникъ канцеляріи министерства. Въ этой канцеляріи рѣшаются дѣла положительно государственнаго характера. Вліяніе г. Мосолова, какъ и г. Трепова, который женатъ на его сестрѣ, а гораздо раньше г. Рыдзевскаго—объясняется одинаково. Всѣ они конные. Всѣ они получили воспитаніе въ конномъ полку, изъ котораго высочилъ и бар. Фредериксъ.

Съ назначеніемъ барона помощникомъ министра Двора, а потомъ министромъ, лихая конница изъ гг. Рыдзевскихъ, Мосоловыхъ, Треповыхъ, Теляковскихъ (тоже кон-

ный!) и др., устроила такую скачку на головахъ русскаго народа, что послѣдній наконецъ не выдержалъ и крикнулъ имъ: «цыцъ!»

Теперь, послѣ нѣкотораго конфуза, эти господа оправились. Они снова замышляютъ заговоръ противъ народа, они готовы измѣнить ему десять разъ. Они даже не доверяютъ г. Витте, какъ можно рѣже пуская его въ Царское Село, а всѣ доклады заставляютъ подавать знатному барону, который гораздо больше понимаетъ въ конюшенномъ дѣлѣ, чѣмъ въ государственномъ. Но не долго будутъ галопировать эти скакуны. Наступятъ и для нихъ черные дни. Революція смететъ и уничтожитъ всю эту ветошь. — И гг. скакуновъ отведутъ на арканъ въ конюшню, гдѣ ихъ настоящее мѣсто.

М. Наръ-ъ.

Черное зало.

Долго мы жили угрюмые, скучные,
Въ сумеркахъ сѣрыхъ томясь безъ борьбы,
Тихо шептали проклятья беззвучныя,
Тюремъ могильныхъ — цѣпные рабы!
Годы тянулись безсвязные, сонные,
Кладбище жизни тоской заросло,
Грустно мы пѣли псалмы похоронные, —
Праздновалъ дьяволъ — Крылатое Зло!
Въ близкое утро — больные, безстрастные,
Въ яркое счастье не вѣрили мы.
Утро настало! Свѣтильники красные
Брызжать лучами по сводамъ тюрмы.
Утро настало! Причудливой краскою
Солнце играетъ. Мерцаютъ лучи.
Пусть это кажется дивною сказкою,
Сказка продолжится долгіе дни!
Сбросимъ же цѣпи — оковы холодные,
Тюрмы разрушимъ и въ пепелъ спалимъ!
Будемъ, какъ буря, какъ вѣтры, свободные!
Дерзко-могучіе мы побѣдимъ!
Тамъ, гдѣ развалины, выстроимъ зданіе,
Царство воздвигнемъ святого труда,
Всѣмъ же тиранамъ позоръ въ наказаніе.
Плети и черное зало суда!

С. Усачъ.

Пошла въ ходъ и армія.

Какъ и слѣдовало ожидать, войско не осталось равнодушнымъ къ событіямъ послѣднихъ дней, оно живо почувствовало на себѣ весь гнетъ правительственной опеки, оно поняло, наконецъ, какую гнусную роль заставляютъ его играть палачи Треповы. Оно откликнулось на стоны умирающихъ братьевъ-крестьянъ, и, сознавъ величіе краснаго флага, уже стало тяготиться своимъ положеніемъ усмирителей. Революціонная пропаганда проникла въ войска, гдѣ имѣла огромный успѣхъ.

Тогда правительство, усумнившись въ дѣйствительности своихъ приказовъ, пригласило на гастроли извѣстнаго патентованнаго дурачка г. Никольскаго изъ приватъ-доцентовъ. Новопеченный флигель-адъютантъ полковникъ Минъ, отличившійся блестящей побѣдой надъ

безоружными гражданами на углу Гороховой и Загороднаго, встрѣтилъ г. Никольскаго изъ приватъ-доцентовъ съ распростертыми объятіями. Мы не будемъ описывать первой успѣшной лекціи г. Никольскаго среди семеновцевъ, закончившейся призывомъ защищать павшій и отвергнутый самимъ Государемъ строй, т. е. идти противъ Государя за кучку придворныхъ лакеевъ и разжирѣвшихъ землевладѣльцевъ, — лекціи, послѣ которой раздалось заученное: рады стараться, ваше благородіе.

Воистину: услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Отставной.

ТРИ ВИДѢНІЯ.

I.

Уродливой вѣдьмою, съ грязнымъ хвостомъ,
Съ гнилымъ, искривленнымъ улыбкою, ртомъ,
Предстала какая-то гнусная тварь;
Мнѣ совѣсть гражданская шепчетъ: «ударь,
Бей, ради народнаго здравія!»
Я къ вѣдьмѣ хвостатой — съ вопросомъ: «кто ты?»
Она, исказивъ подлой рожой черты,
Прошамкала: «Самодержавіе!»

II.

Въ багряной одеждѣ явилась жена,
Мечъ гордый держала въ десницѣ она;
Лицо было гнѣвно. Спросилъ я ее:
«Кто ты?» и понявъ обращенье мое,
Отвѣтила смѣло злорадная:
«Я — ангелъ отмщенія, каратель — судья!
Зовусь революціей... Сила моя
Огромная и безпощадная!»

III.

Прекрасная дѣва въ душистомъ вѣнкѣ
И съ пальмовой вѣткою въ правой рукѣ,
Съ улыбкой привѣта на нѣжныхъ устахъ,
Храня благодатную кротость въ очахъ,
Пришла, — и все злое отпирнуло.
«Кто ты?» вопрошаю; она же въ отвѣтъ
Сказала: «я — та, кого славилъ поэтъ!»
«Свобода!!» — со всѣхъ сторонъ грянуло...

Николай Пановъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Первый выпускъ нашего журнала, спѣшно составленнаго, вышелъ безъ тѣхъ отдѣловъ, которые нами будутъ помѣщаться въ слѣдующихъ выпускахъ. Число рисунковъ, начиная со второго-же номера, будетъ увеличено.

Мы предполагали выпустить первый номеръ журнала въ Воскресенье 4-го декабря.

Выпускаемъ его сегодня, потому что событія не ждуть...

Идетъ революція...

Ред.

Простыя рѣчи.

(Воры-аристократы).

Первый жандармъ страны, лейбъ-провокаторъ г. Дурново, превзошелъ самого себя. Набравъ придворныхъ дармождовъ, княгинь и графинь (кн. Кочубей, гр. Мордвинову, кн. Оболенскихъ, Озеровыхъ и др.), онъ составилъ изъ нихъ шайку, цѣль которой лишить возможности добиться несчастнымъ почтово-телеграфнымъ труженикамъ улучшения условій ихъ истинно собачьей жизни.

Получая нищенское содержаніе за каторжный трудъ, безправные и угнетенные, они, захваченные волной революціи, подняли свой голосъ. Они добиваются человѣческихъ правъ и правъ на недостающее имъ полѣно дровъ и кусокъ хлѣба.

Они живутъ не въ графскихъ и княжескихъ дворцахъ, а въ подвалахъ. У нихъ нѣтъ своихъ выѣздовъ, нѣтъ любовниковъ секретарей, нѣтъ дворовой челяди, — ихъ больные и раненые ноги, утомленные глаза и покрытые мозолями руки дни и ночи работаютъ на тѣхъ-же графинь и княгинь, которыя теперь крадутъ ихъ хлѣбъ.

До какого разврата должна была дойти наша выродившаяся аристократія, воспитанная на замаскированномъ грабежѣ низшихъ классовъ, если теперь она не стѣсняется выступить въ роли открытыхъ воровъ чужого счастья и грабителей чужого хлѣба!

Тѣ-же самыя лица, что въ прежніе годы жили на счетъ обиженныхъ строимъ «бѣдныхъ», устраивая въ ихъ пользу «благотворительные» вечера, — тѣ-же лица сдѣлали теперь себѣ пріятное развлеченіе изъ забастовокъ и почты и телеграфа.

Во главѣ воровской шайки — добровольныхъ почтальоновъ сталъ проф. Мартенсъ... Слава ему!

Когда наступитъ предѣлъ безумной вакханаліи разскакавшихся аристократокъ и международныхъ профессоровъ?

«Если не теперь — то когда-же?» — такъ говорилъ пророкъ.

С. Усасъ.

Что думаетъ Витте, когда ему не спится.

Въ позднюю ночь надъ столицей мятежною
Сонъ непробудный царить,
Только лишь Витте рукою прилежною
Что-то все пишетъ — не спитъ.
Фразы не клеятся — Витте ругается,
Ждетъ: — не поютъ пѣтухи...
Жизнь ему долгая вся представляется:
Все-то грѣхи, да грѣхи.
«Охти мнѣ... Часто обитель я райскую
Тяжкимъ грѣхомъ искушалъ.
Ну-тка! дорогу, дорогу Китайскую
Я провести убѣждалъ...
Выдумалъ я монополию винную,
Пьянство повсюду развелъ...
Съ Митей солдатикомъ дружбу картинную
Я на послѣдкі завелъ...
Охти мнѣ, ох! Угожу въ преисподнюю —
Митя людей не жалѣлъ.
Какъ ни надѣюсь на благодать Господию —
Все-же мнѣ быть не у дѣлъ.
Братцы-рабочіе все-то волнуются,

Вѣрить словамъ не хотятъ.
Вотъ имъ возваньё! Авось очаруются?
Нѣтъ... Осмѣютъ, освистятъ...
Охъ ужъ мнѣ эти марксисты, народники...
Всѣ взбунтовались опять!
Божія Матерь! Святые угодники!
Чѣмъ-бы такимъ ихъ пронять?»

Ежидна.

Да здравствуетъ социализмъ!

Живыя муміи изъ сановниковъ, мракобѣсы изъ помещиковъ и фабрикантовъ, либеральные земцы, купцы, трактирщики и гвардейскіе офицеры, яростно споря и ссорясь другъ съ другомъ, соединились въ одномъ открытомъ воплѣ:

Долой рабочихъ!

Ученые мужи, господа профессора и бывшіе марксисты, сидя въ уютныхъ комнатахъ и грѣясь у камина, морщатъ лобъ и придумываютъ платформы, на которыхъ собираются ухачь страшно далеко, выкинуть предварительно старое тряпье, оставленное имъ въ наслѣдіе предками, но прихвативъ съ собой рабовъ.

Свобода! кричатъ они: надо воспользоваться благами, которыя мы завоевали. Мы хотимъ строить величественное, роскошное зданіе на новомъ фундаментѣ, по новымъ правиламъ, которыхъ и придумывать нечего. Мы ихъ переймемъ у старушки Европы. Мы архитектора, чортъ возьми!

А рабочіе?

Рабочіе будутъ носить кирпичи!

Господа архитектора займется составленіемъ плановъ и смѣтъ, а пролетаріатъ долженъ безпрекословно исполнять ихъ затѣи: строить дома, желѣзныя дороги, музеи, театры, одѣвать ихъ, поить и кормить, создавая богатства всего міра, въ награду получая лишь жалкіе остатки съ общаго стола, оставаясь нищимъ.

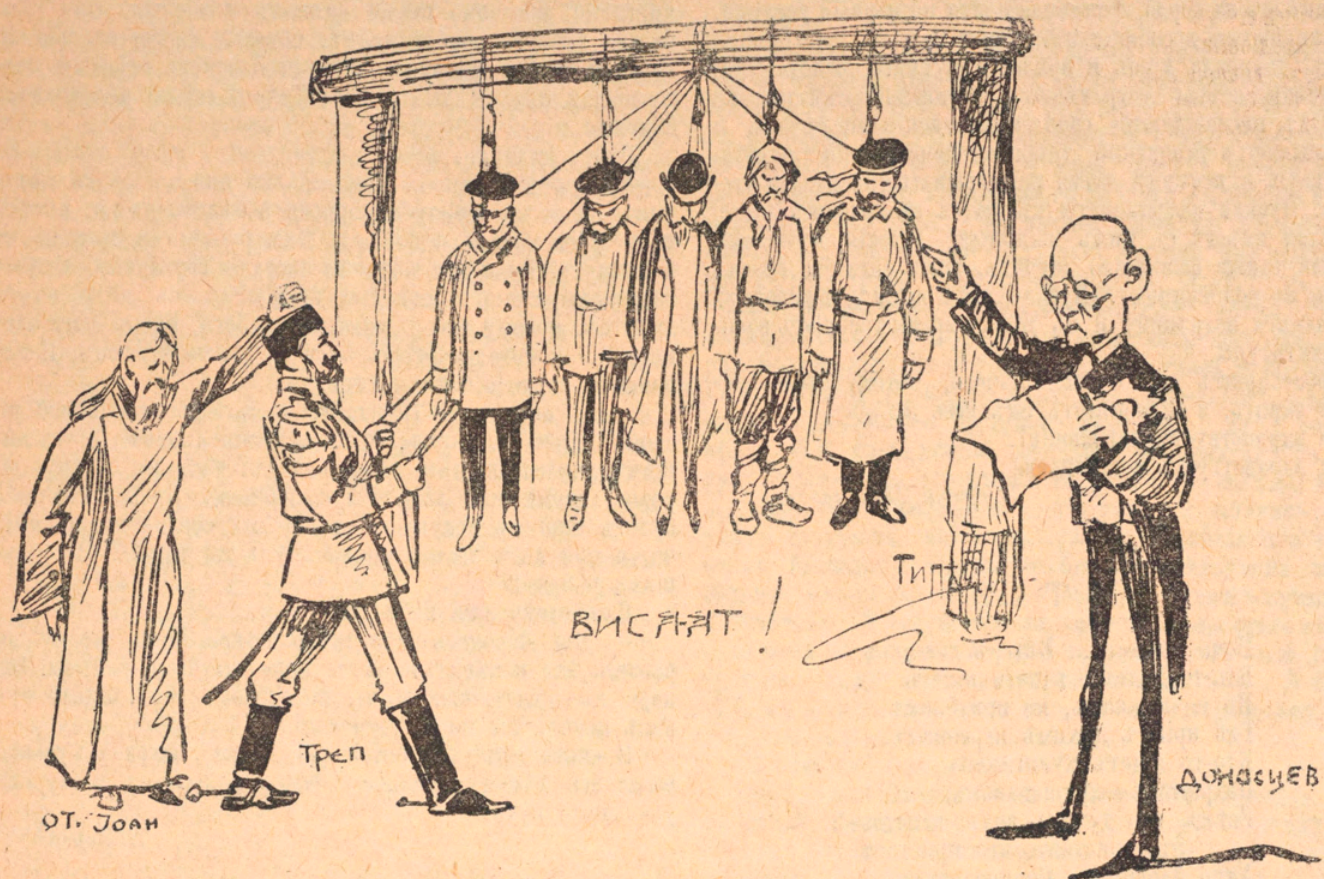
Потаскушка — буржуазія, эта беззащитная содержанка народа, ничуть не измѣнилась въ двадцатомъ вѣкѣ: она по прежнему блудлива, какъ кошка, и труслива, какъ заяцъ. Она высказывала свое сочувствіе пролетаріату, когда онъ боролся за свободу, но лишь только убѣдилась, что для пролетаріата уроки исторіи не прошли даромъ, что онъ не намѣренъ уступать лавры побѣды фокусникамъ, привыкшимъ загребать жаръ чужими руками, что пролетаріатъ отказывается отъ ея руководства, какъ все ея народолюбіе испарилось, какъ дымъ и изъ ея чахлой изношенной груди вырвался крикъ ужаса. Еще-бы! Отъ нея хотятъ отобрать награбленное!

А счастье было такъ близко... Хищное правительство лопнуло отъ обжорства. Стоило надуть лишній разъ народъ и, захвативъ власть, предаться «свободѣ» эксплуатаціи.

Либералы сочинили-бы красивые гимны въ честь новой жизни, провозгласили-бы тостъ во славу новыхъ порядковъ, при которыхъ на лицо всѣ виды «свободы», въ томъ числѣ и «свобода» голода.

Лицемеріе — органическое свойство буржуазіи. Негодуя на политическій гнетъ, она закрываетъ глаза на экономическое рабство и, прикидываясь благотѣльной хозяйкой, старается убѣдить своихъ рабовъ, что капиталистическій строй есть единственно возможная форма народнаго хозяйства. Но рабы выросли въ гражданъ и не хотятъ больше оставаться рабами ни политическими, ни экономическими.

Ограбленные алчнымъ правительствомъ, заключившимъ союзъ съ фабрикантами, измученные полувѣковой травлей, искалѣченные, отравленные заводской духотой,

работчие напрягли все свои силы и образовали сплоченную массу, которая грозно наступила на своего врага и, схватив его за горло, заставила пойти на первые уступки.

Грандиозная всеобщая забастовка Востока, поразившая Запад, доказала мощь и зрелость русского пролетариата.

Пускай земцы устраивают шутовские съезды, на которых наслаждаются своими собственными речами и придумывают резолюции, такие же неискренние и ненужные, как и все их затеи разыгрывать спасителей отечества. Пускай капиталисты цблуются с графом Витте, составляя вместе с ним наивные, детские воззвания, которые также фальшиво звучат, как если-бы козель запел по соловьиному. Пускай „патриоты“ переводят свои деньги за границу и в то же время требуют военной диктатуры.

Пролетариат не боится ничего, потому что «ему нечего терять, а приобрести он весь мир!»

Да здравствует революция!

Да здравствует социализм!

Сергей Черкасовъ.

К Т О?

Ночь рыдает... Ветер свищет,
Кто-то ходит, кто-то ищет
По ночлежкам, по притонам,
Где приют лихим персонам;
Кто-то ищет хулиганов,
Патриотов—крушеванов,
Всех, кто духом золь, неистов...

Это пристав, это пристав!..

Утро блещет... Солнце встало....

Всех от водки разобрало...

Собрались хулиганы,

Патриоты—крушеваны...

Гордо, пышно, пьяным шагом,

Кто идет с трехцветным флагом?

Впереди сих монархистов?

Это пристав, это пристав!..

Замытый.

Красное знамя.

Идут, идут...

Их много, цблыя тысячи, десятки тысяч... Мужчины и женщины, седые старики, дети... Из поперечных улиц и переулков выходят новые толпы и сливаются в один общий поток, бурный, радостный, гордый своей победой... Блбдные, истомленные лица горят неподдельным счастьем, губы беззвучно шепчут молитву неизвестному богу, открывшему новый мир, такой прекрасный, яркий... Трепетные сердца еще не остыли от тревоги, но ненависть уже погасла в них в тот самый момент, как темные силы, вьками давившие жизнь в желбзных тисках, вдруг ослабли и превратились в песок.

Идут, идут...

Музыка смбется звуками, то величественно-грозными, то пбжными и тихими, звонкие голоса подхватывают пбсь, и гимн свободы разрбзает воздух, как буря непокорные волны. То не пбсь отчаяния, то не пбсь голодных, усталых, придавленных рабов, то пбсь свободных граждан, сломавших цбпи и празднующих свое освобождение.

Впереди идет знаменщик. Весело развбвается красное знамя. Его никто теперь не смбет тронуть. Оно свя-

щенно. Оно великий символ труда, ибо только царство труда признает его своим. За ним не смбют идти хищники, ибо оно также символ возмездия. Оно улыбается хмурым работникам, которые своею кровью завоевали жизнь, которых история назовет героями, благословляя их смблый подвиг. Они герои, ибо создали будущее...

Идут, идут...

А вот и тираны... Как жалки они в этот миг! Они вышли навстрбчу храбрым поббдителям и, встав на колбни, молят о пощаде. Их робкие сердца дрожат и плачут. Руки они подняли вверх. Трусливые, хитрые взоры выражают покорность. Губы их не шепчут молитв, потому что у них нбтъ бога, кромб бога алчности. Они готовы лизать ноги у своих врагов. Извиваясь и корчась, они молят:

— О пощадите! Пощадите нас. Мы сознаемся в своих преступлениях, сознаемся, что дьявол был нашим учителем, это он толкал нас в бездну порока, лицебрия и лжи. Мы сознаемся... Пускай сознание будет нашим искуплением, пускай сердца ваши смягчатся при виде такого унижения. О, мы готовы быть вашими рабами!

Им отвбчают поббдители:

— Мы боролись против рабства. Нам не нужно рабов. Мы ненавидели вас, пока вы были сильны. Теперь вы ничтожны, и мы презираем вас. Идите от нас прочь. Мы не хотим вас.

И снова двинулся поток, и снова заиграла музыка, раздалась пбсь. Красное знамя, колыхаясь и шурша, указывало путь.

Валерий Т.

18-е Октября.

(Разсказъ).

Письмо первое

(племянницы к теткб).

Дорогая тетя Таня! Я должна тебб сообщить ужасную вбсь. Только ты не пугайся. Ах, какая я глупая,—конечно, ты будешь плакать. Я хоть и не плакала, зато мбста себб не могу найти. Хожу, хожу... Не знаю куда дбться. Мысли такие скверные, тяжелые... Все перед глазами та картина. Откуда-то скачут подлые сбрыя фигуры с холодным злым выражением лиц. В толп смьтение. Живые люди падают, стонут... На панели красная кровь.

Тетя Таня, а вбдь папа-то умер.

Я сейчас выпью воды, немного успокоюсь и все расскажу по порядку.

В тот день рано утром меня разбудил папа, цбдует меня...

Веселый такой, довольный. Смбется и говорит мнб: «Конституция объявлена, дбточка»...

Я сразу не повбрила.

Врбшь, говорю, папка. Жди от них!

Показывает листок. Через полчаса я была уже одбта и сидбла за чайным столом. Папа мнб стал рассказывать, какой дорогой цбной, какими усилиями, сколькими трупами куплена эта бумага, сколько молодых жизней погибло, прежде чбм можно было добиться хотя маленькой поббды. Часто на этих смблых, отважных, честных людей натравливали темный народ, тот самый народ, которому они хотбли счастья...

Не думай, тетя, что я бессознательно повторяю чужие слова. Я все понимаю. Впрочем, развб так трудно по-

нять, гдѣ правда? Послѣ тѣхъ проклятыхъ сценъ, которыя я видѣла, я уже не дѣвочка. Я взрослая. Я умѣю ненавидѣть, тетя. Я ненавижу этихъ злыхъ людей не только потому, что они убили папу, но и за то, что они издѣвались надъ беззащитными, бессильными. Я хочу всю свою жизнь посвятить борьбѣ противъ самодержавія. Пускай я маленькая, тшедушная, чахлая. Рука у меня не дрогнетъ, если понадобится. Не смѣйся надъ моею храбростью, Я лишилась отца—друга, который ни одного моего вопроса не оставлялъ безъ отвѣта. Онъ разговаривалъ со мной, какъ съ большой, дѣлился своими надеждами и планами. Такъ было хорошо... Днемъ, когда я уходила въ гимназію, папа принималъ больныхъ. Вечера мы большею частью проводили вмѣстѣ. Въ гостяхъ мы бывали рѣдко. У насъ въ квартирѣ есть угловая комната въ три окна. Въ ней виситъ голубой фонарь. Я просила папу купить фонарь. Въ этой комнатѣ мы очень любили сидѣть и разсуждать. О чемъ только мы ни говорили. Но больше всего я любила слушать о тѣхъ славныхъ герояхъ, которые еще въ то время, когда нигдѣ нельзя было найти отклика на смѣлый призывъ противъ гнета правительства, открыто выступали впередъ, одинокіе, гордые... Ихъ ссылали въ Сибирь, сажали по тюрьмамъ, заключали въ крѣпость, убивали, вѣшали, мучили въ сырыхъ подвалахъ, гдѣ долгіе годы они не слышали живого слова. Они умирали отъ чахотки, отъ истощенія, сходили съ ума. Ихъ били, ихъ жгли. Но никто и ничто не могло ихъ остановить.

Вотъ это люди, тетя!

Нѣтъ, я не могу писать объ этомъ хладнокровно. Я знаю, ты будешь оплакивать папу, ты пожалѣешь его дочку, пожалѣешь потому, что они тебѣ близкіе, кровные. Но ты ихъ никогда не поймешь. Въ одномъ письмѣ ты назвала папу социалистомъ и упрекала его, что онъ смущаетъ меня. Но какъ я ему благодарна, что онъ смутилъ меня. Я нахожу сейчасъ силы жить только потому, что я «испорчена», какъ ты выражаешься. Я не упрекаю тебя, тетя. Я дѣйствительно «испорчена». Но если бы я не была «испорчена», я не вынесла бы моего сиротства. Не такъ давно умерла мать, а теперь отецъ убить русскимъ офицеромъ! Убить русскимъ правительствомъ!

Но я хочу жить, потому что я фанатикъ, пятнадцатилѣтній фанатикъ въ гимназическомъ платьѣ. Ты, навѣрное, когда будешь читать эти строки, покачаешь головой. Такъ слушай-же, что я испытала въ тотъ день.

Это я пристала къ папѣ пойти посмотрѣть, что на улицѣ. Онъ долго не соглашался со мной идти. Хотѣлъ удрать одинъ куда-то къ врачамъ. А я еще надъ нимъ посмѣялась:—свобода собраній говорю, неприкосновенность личности! Царь далъ слово...

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Ну, ладно, моя маленькая личность. Пойдемъ. Посмотримъ живыхъ людей.

Я нацѣпила красный бантикъ, и мы пошли.

На улицѣ оживленіе, радостныя лица, всѣ куда-то спѣшать. Газетчики бойко продаютъ листки. Военныхъ не видно. Только проходили отдѣльные офицеры, но у нихъ совсѣмъ другой видъ, когда они безъ солдатъ. Нѣкоторые тоже веселые, добрые. Одинъ офицеръ напомнилъ мнѣ дядю Петю, который убить на войнѣ. Высокій, бравый блондинъ съ сѣрыми глазами. Я даже слегка испугалась, такъ онъ издала напомнилъ мнѣ дядю.

Шли мы, шли. Встрѣтили нѣсколько знакомыхъ. Между прочимъ сослуживца папы, доктора Попова,—знаешь, который ни во что не вѣритъ. Онъ такъ и говоритъ:

— Ни въ Бога я не вѣрю, ни въ людей. А въ особенности въ русскихъ людей. Тряпки они! Дураки! Сила есть, а пустить въ ходъ ее бояться!

Это мы-то тряпки! И тутъ онъ на наше привѣтствіе

отвѣтилъ усмѣшкой и заявилъ, что никакой конституціи нѣтъ. Обманъ одинъ! Я тогда на него разсердилась. Но Боже мой! На этотъ разъ онъ былъ правъ! Мы вышли на довольно узкую, но оживленную улицу и встрѣтились съ толпой. Папа, боясь за меня, хотѣлъ повернуть обратно, но въ это время мы смѣшались съ толпой и насъ отнесли въ сторону. Я помню, какъ мы очутились у какой-то лавчонки; которая была заперта. Мы прижались къ двери, чтобы пропустить народъ. Вдругъ въ толпѣ произошло смятеніе, раздались возгласы, крики. Рядомъ съ нами стояла старушка, въ шерстяной косынкѣ, которая поскользнулась и упала. Папа бросился ее поднимать. Не успѣла я опомниться, какъ на разстояніи двадцати шаговъ показалась конница. Впереди ѣхалъ молодой офицеръ и размахивалъ шашкой. Я схватила папу за руку и потащила его ближе къ стѣнѣ. Но солдаты ѣхали по панели. Мы растерялись. Въ тотъ-же моментъ снова упала старушка, на этотъ разъ отъ сабельнаго удара. Отецъ бросился впередъ, чтобы заслонить меня своимъ тѣломъ. Что-то сверкнуло въ воздухѣ, отецъ вскрикнулъ, покачнувшись... Я почувствовала, какъ холодная сталь скользнула по моей головѣ... Когда я очнулась, насъ было только трое на улицѣ: мертвая старушка, папа и я... Я бросилась къ папѣ. Онъ былъ весь въ крови. Широкая рана зияла въ головѣ, мозгъ вывалился...

Проклятые! Они убили его!

Тетя, тетя! Сколько я не помню себя, я всегда была съ папой. Передъ моими глазами, какъ живой, стоитъ его образъ. Блѣдное одухотворенное лицо съ милой, чистой улыбкой. Но вѣдь въ послѣдній разъ я видѣла другое лицо, перекошенное, красное, съ потухшимъ взоромъ, безъ мысли. Неужели это былъ тоже онъ?

Вотъ и все...

Я отдѣлалась сравнительно легко. Сейчасъ осталась на лбу синяя полоска и больше ничего. Но я не забуду этого дня, хотя-бы прожила сто лѣтъ! Если ты тетя думаешь, что я когда-нибудь имъ это прощу, то ты ошибаешься. По временамъ я такъ волнуюсь, что вслухъ выкрикиваю какія-то слова. Это злыя слова, тетя.

Сейчасъ я живу у подруги. Она мнѣ достала работу и я надѣюсь прожить собственными силами. Зачѣмъ я хочу жить, ты знаешь. Когда будешь мнѣ писать, не пытайся утѣшать меня: я не ребенокъ. Я теперь, какъ и ты, старенькая. Твоя Варя.

Письмо второе

(корнета къ поручику).

Дорогой другъ!

Берусь за перо, хотя терпѣть не могу писать! Уже очень мнѣ надоѣли эти нигилисты. Хочу хоть въ письмѣ отвести душу. У васъ въ провинціи тоже, кажется, бунтуютъ, а потому ты поймешь мое настроеніе. Вся эта разночинная дрянь подняла голову — а въ газетахъ такой гвалтъ, что только руками разводишь. Не понимаю, какъ терпѣть ихъ наше правительство? Дали бы мнѣ власть—я въ одинъ день прикончилъ бы съ анархистами! Я не шучу!! стоитъ выкинуть изъ головы всю эту чушь и вмѣсто громкихъ словъ—приготовить нѣсколько пушекъ. Это старое, испытанное средство и, право же, не такое дурное. Слава Богу, не всѣ помѣшались на конституціи! есть и здоровыя головы. Если кто нигилистовъ еще сдерживаетъ, такъ это генералъ Треповъ. Вы, конечно, читали его послѣдній приказъ, гдѣ онъ такъ крѣпко выразился: «патроновъ не жалѣть!»?

Либералы пришли въ изступленіе и пишутъ свои дурацкія статьи противъ Трепова. Ловко онъ ихъ задѣлъ! Я хочу тебѣ рассказать про мою маленькую атаку.

Я тоже копалъ въ газеты!!! Я не читалъ, что онѣ тамъ пишутъ, но мнѣ рассказывали. Я, конечно, не обращаю вниманія на этихъ мосекъ. Впрочемъ я опишу тебѣ все подробно.

Наканунѣ выше изложенной стычки я очень недурно провелъ вечеръ.

Наши собрались у «Медвѣдя», была рыжая Лина и, знаешь, та, хроменькая Катя Чижикъ, надъ которой всѣ смѣются. Я немного подвыпилъ и сталъ объясняться Чижикѣ въ любви. Лина разозлилась страшно, хотя и поняла, что это шутка, а Чижикъ приняла въ серьезъ. Кончилось тѣмъ, что я поѣхалъ съ ней на острова. Приѣхали на Елагинъ, тамъ я ее ссадилъ, а самъ поѣхалъ къ Линѣ. У нея я переночевалъ; утромъ встаю и первымъ дѣломъ расхохотался. Мнѣ почему-то пришла въ голову вчерашняя исторія, и я даже представилъ себѣ, какъ Катя Чижикъ съ хромою ногой идетъ съ Елагина на Пески!

Только что мы собрались съ Линою пить чай, какъ приходитъ деньщикъ. Онъ ужъ знаетъ, гдѣ меня надо искать, если я не ночую дома.

— Такъ, молъ, и такъ, ваше благородіе, требуютъ въ нарядъ.

— Что дѣлать! служба—прежде всего; чмокнулъ Лину и поѣхалъ домой. Черезъ какой-нибудь часъ я сидѣлъ на конѣ. Тронулись въ центръ города. Опять объявили какую-то конституцію и нигилисты рѣшили по этому поводу бунтовать.

Вотъ дѣйствительно наше правительство потеряло голову: вмѣсто того, чтобы приструнить ихъ, оно дѣлаетъ имъ какія-то поблажки.

Понятно, что народу вывалило куча. Орутъ, шумятъ!

Когда мы подъѣхали къ мѣсту назначенія, меня встрѣтилъ знакомый приставъ. Очень симпатичный человѣкъ. Я когда-то жаловался ему на извозчика. Онъ безъ всякихъ фокусовъ, вмѣсто того, чтобы писать эти чиновничьи бумаги, вздулъ какъ слѣдуетъ извозчика, и тотъ успокоился.

Приставъ сталъ объяснять мнѣ что-то, куда не надо пропускать толпу, а куда можно. Признаться, я не понималъ, чего онъ хочетъ. У меня слегка трещала голова

отъ шампанскаго, которое еще не выветрилось, да я и не выспался. Ты самъ понимаешь, какой сонъ можетъ быть у хорошенькой женщины. Во всякомъ случаѣ съ нигилистами рѣшили не церемониться. Т. е. въ концѣ концовъ пришли къ такому же заключенію какъ и я. Только что я разстался съ приставомъ, какъ ко мнѣ подъѣзжаетъ ординарецъ. Докладываетъ: „Такъ что за угломъ, ваше благородіе, студенты прутъ!“ Быстро съ моими молодцами я поспекалъ навстрѣчу толпѣ. Въ самомъ дѣлѣ идутъ студенты и шпаки, между ними женщины, по всей вѣроятности стриженные курейстики, идутъ, сами не зная, куда. Впереди какой-то идутъ съ флагомъ. Я отдалъ команду и мы двинулись. Черезъ какую-нибудь минуту улица совершенно опустѣла. Надо сознаться, что они хотя и анархисты, но порядочные трусы.

Все же вой кому досталось отъ меня на орѣхи. Я ужъ не разбираю тутъ: рубилъ направо и налево. Какъ-то подлая старушонка заступила мнѣ дорогу. Я хорошенько хватилъ ее. Какой-то шпакъ съ дѣвчонкой прижались къ стѣнѣ. Я погладилъ шпакъ по головѣ шашкой. Вѣроятно ему послѣ этого не поздоровилось...

Вотъ и все...

Кажется все очень просто. Нигилисты бунтуютъ, не хотятъ признавать властей... мнѣ отданъ былъ приказъ усмирить ихъ. Я усмирить. Казалось, кромѣ уваженія я ничего не заслужилъ.

Все-таки я рисковалъ кое-чѣмъ. Какой-нибудь сумасшедшій могъ бросить въ меня бомбу. На чьи бы средства тогда жила Лина?

Но, къ сожалѣнію, и въ арміи нашлись офицеры, которые порицаютъ меня въ газетахъ вмѣстѣ съ репортерами. Впрочемъ, въ нашемъ полку нѣтъ ни одного такого офицера. Мы вѣрные слуги Царя!

Твой другъ Кока.

PS. Кстати: я только что узналъ, что старушонка и шпакъ больше не встали. Шпакъ оказался докторомъ. Самъ виноватъ: не лѣзы!

Addio mio caro!

PPS. Я сейчасъ отправляюсь къ Линѣ. Кутнемъ!!!

C.

Редакторъ С. М. Усасъ.

Отвѣтственный редакторъ А. М. Гутьяръ.

Еженедѣльный общедоступный иллюстрированный социалистическій журналъ

„С В О Б О Д А.“

Выходитъ по воскресеньямъ отъ 8 до 16 страницъ.

Цѣна номера 5 коп.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

Редакція и контора: Николаевская, 73, кв. 12.

Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 11 утра до 12 ч. дня; контора открыта отъ 11 ч. утра до 4 ч. дня.

Объявленія принимаю по 20 коп. за строку петита.

Издатель С. И. Чепурный.

Редакторъ С. М. Усасъ.

Отвѣтственный редакторъ А. М. Гутьяръ.

Типографія «Трудъ и Польза». С.-Петербургъ. Фонтанка, 71—21.

ДК 26
189.
Ран 4К
2000

Двойной номеръ — 8 коп.

ГОДЪ 1-ый.

(ЖЕНЕВСКИЙ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ, ЖУРНАЛЪ. 1905.)

„Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“

Не пора-ли Лантелей
Постыдиться людей?
Дикитинъ

„Тѣхъ же щей-рожиже лей“
Погофорка

Вариантъ: „Не пора-ли, Сергѣй“..

На основані постановленія «Союза въ защиту свободы печати» мы будемъ игнорировать временныя правила для печати. Журналъ нашъ вышелъ явочнымъ порядкомъ и не будетъ впредь считаться ни съ какими ограниченіями свободы печати.

С.-Петербургъ.

Мы всецѣло беремъ программу, принятую на второмъ сѣздѣ социаль-демократической рабочей партіи. Цѣль нашего изданія—жестокое осмѣяніе буржуазныхъ идеаловъ и заклеиваніе капиталистическаго строя.

Мы будемъ неустанно твердить о вопіющемъ неравенствѣ классовъ въ современныхъ эксплуататорскихъ государствахъ, построенныхъ по принципу: съ одного вола дери десять шкуръ!...

Мы вѣримъ въ близкую побѣду русской революціи, которая отзовется во всѣхъ концахъ Европы и подыметъ рабочій народъ на великую борьбу съ хищниками, сосущими его кровь; мы вѣримъ, что современному поколѣнію суждено быть свидѣтелемъ и активнымъ дѣятелемъ знаменательныхъ историческихъ событій.

День близокъ!

Русскій пролетаріатъ созналъ свою силу и понялъ, что только „въ борьбѣ приобрѣтеть онъ право свое“. А разъ сознавъ эту простую истину, онъ стремится къ объединенію и уже не остановится въ своемъ могучемъ натискѣ на лицемѣрныхъ „буржуевъ“ и поддерживающее ихъ самодержавное правительство. Особое вниманіе мы посвятимъ вопросамъ тактики, стараясь по возможности въ популярной формѣ указывать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на необходимость сплоченной и организованной борьбы съ капиталистическимъ строемъ, не довольствуясь частичными уступками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ разоблачать всѣ попытки царскихъ слугъ и мнимыхъ демократовъ изъ земцевъ обмануть народъ, выкидывая ему жалкія подачки.

Первая задача пролетаріата спихнуть въ пропасть самодержавное правительство, дѣйствуя подъ руководствомъ единой демократической рабочей партіи. Да будетъ и наше слово горячимъ призывомъ къ новой

жизни, свѣтлой и радостной, созданной революціей.

Революція идетъ! Россія заразитъ Европу! Гюго сказалъ въ день своихъ именинъ: „счастіе народовъ въ братскомъ единеніи, которое выразится въ Европейскихъ соединенныхъ штатахъ и я умру съ сознаниемъ, что это осуществится и это будетъ лучшимъ вѣнкомъ на мою могилу; сограждане, не забудьте, что Парижъ есть не только мозгъ міра, но и душа его, изъ которой выходятъ животворные лучи, согрѣвающие человечество“.

Слова великаго гражданина сбываются; но не Франціи суждено осуществить мечты Гюго. Ихъ осуществляетъ Россія. Неясныя грезы великихъ умовъ и пророковъ преобразились въ стройную социальную систему, которая проводится въ жизнь.

„Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“

Граждане!

Требуйте освобожденія Предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ **Хрусталева**.

Хрусталева арестованъ; Хрусталева въ Петропавловской крѣпости. Наша Бастилія не окружена всѣми войсками только потому, что падающему самодержавію нужно сохранить рати несчислимыя, но уже непокорныя, для „спасенія живота своего ради“.

Хрусталева жертва разбойничьяго заговорнаго правительства, играющаго съ обществомъ въ темную.

Правительство обмановъ, хищеній, подлоговъ, убійствъ, правительство, не отличающее Іисуса отъ Варравы, обогрившее руки въ крови праведниковъ, борцовъ за свободу, изъ рядовъ послѣднихъ хищнически выхватило достойнѣйшаго гражданина, смѣлаго борца Хрусталева.

Это нападеніе изъ-за угла показало жалкую растерянность и безсиліе опереточнаго правительства, которое, какъ скорпіонъ, переживаетъ давно всѣми ожидаемый актъ самоубійства...

Граждане! требуйте освобожденія Хрусталева.

ICU

«МОГИЛЬЩИКИ».

Посвящается всѣмъ русскимъ кровопийцамъ-деспотамъ.

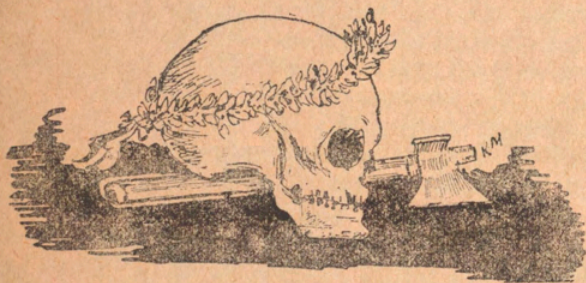
На кладбищѣ ночью въ холодной землѣ
Могильщики яму глубокую роютъ,
Не свѣтятъ имъ звѣзды, померкнувъ во тьмѣ.
Все тихо.... лишь вѣтры угрюмые воютъ.

Смѣются могильщики... Первый изъ нихъ
Товарищамъ шепчетъ: «лишь утро настанетъ,
Мы юную жизнь на веревкахъ витыхъ
Опустимъ въ могилу и юность завянетъ».

Другой отвѣчаетъ съ улыбкою злой:
«Мы казнь приготовимъ воителямъ смѣлымъ,
Здѣсь въ ямѣ остынетъ ихъ пылъ молодой
И гробъ ихъ покроется мхомъ заплеснѣлымъ».

Смѣются могильщики... роютъ во тьмѣ,
Глубокую яму; безумцы не чувтъ,
Что въ этой послѣдней злобѣ тюрмѣ
Какъ псовъ ихъ самихъ навсегда замуруютъ.

Сергій Безпросвѣтлый.

Да здравствуетъ Манджурская армія!

Въ то время, какъ въ Европейской Россіи правительство занимается истребленіемъ рабочихъ и крестьянъ, знавшихъ, что «сила въ единеніи», въ далекой Манджуріи уже долгіе мѣсяцы томится русская армія, та самая армія, которую послала на убой безобразовская клика, блый годъ диктаторски правившая страной.

Обманутая армія!

Она не знала, что ее отправляютъ не во имя государственной необходимости, не во имя народа, а ради чки игроковъ, которые такъ зарвались въ своей игрѣ, что не задумались поставить на карту сотни тысячъ молодыхъ жизней. Ее провожали лъстивыми словами и пералы говорили рѣчи:

— Постарайтесь братцы за отечество!

А въ это время въ роскошномъ дворцѣ хищники, итали барыши съ авантюры на Ялу и, весело смѣясь, интазировали, сколько можно будетъ заработать на ипѣ. Они были такъ довольны положеніемъ дѣлъ, что товы были громко закричать:

— Ура! Да здравствуетъ всеобщее истребленіе! Мы будемъ строить броненосцы. Намъ поможетъ въ этомъ француженка-актриса!

При такой обстановкѣ русскіе солдаты пошли въ чужую страну проливать кровь, не вѣдая и не зная, что они только покорныя пѣшки въ рукахъ сановныхъ авантюристовъ.

Оторванные отъ родины, они испытали на себѣ, что такое самодержавное правительство и какіе бываютъ генералы. Они увидѣли и поняли, что высокій чинъ и иконостасъ изъ орденовъ на груди не гарантируетъ ихъ отъ наглаго издѣвательства, отъ униженія человеческой личности.

Развѣ трусливый хвастунъ Штакельбергъ не дорожилъ коровой больше, чѣмъ солдатомъ?

Они видѣли, что въ то время, какъ наиболѣе честные изъ офицерства тихо умирали или съ нескрываемой грустью смотрѣли вокругъ себя,—другіе хватили награды, во время боя прячась по землянкамъ, а полководецъ Куропаткинъ теръ свой лобъ, запомнивъ изъ военного лексикона одно единственное слово «терпѣніе», которое твердилъ, какъ попугай.

За всѣ ихъ труды, за болѣзни и раны ихъ угощали затхлыми сухарями и тухлой солониной.

Война кончилась, но не кончились ихъ мученія. Совершивъ, что только могутъ совершить герои, и потерпѣвъ поражение по чужой винѣ, по винѣ Алексѣева, Куропаткина, Бирилева, Сахарова, Гриппенберга и другихъ. Совершивъ все, что въ человеческихъ силахъ солдаты стали больше не нужны самодержавному правительству, ихъ оставили на произволъ судьбы въ чужой странѣ, въ холодѣ и голодѣ, вдали отъ братьевъ рабочихъ и крестьянъ, которыхъ съ «успѣхомъ» умиряютъ казаки, пользуясь тѣмъ, что великая манджурская армія за тысячи верстъ.

Но она придетъ, изстрадавшаяся армія, она придетъ и потребуетъ отчета отъ насильниковъ.

Въ «Новой Жизни» мы читаемъ, что армія рвется на родину, что чуть не каждый день въ войскахъ происходятъ бунты, что до нея дошли стоны крестьянства и мощный призывъ пролетаріата, что недалеко день, когда произойдутъ неслыханныя въ исторіи міра событія.

Да здравствуетъ великая страдальца, революціонная манджурская армія!

Съ радостной надеждой мы ждемъ ея прихода, потому что она ли не пойметъ, гдѣ правда! Тамъ ли, гдѣ гнетъ и грабительство, гдѣ богачи и графы изъ «правового порядка», или въ душныхъ мастерскихъ заводовъ, гдѣ блѣдные труженики поютъ свои дивныя пѣсни, смѣлые призывы къ послѣдней борьбѣ. Она пойметъ....

Но если самодержавное правительство захочетъ навсегда похоронить ее въ провлятой Манджуріи, армія сама найдетъ себѣ путь.

Это будетъ начало новой, безпримѣрной революціи!

Сергій Черкасовъ.

ПОПРАВКА.

Въ прошломъ номерѣ въ статьѣ «Тайный кабинетъ» вкралась досадная опечатка. Не г. Треповъ женатъ на сестрѣ г. Мосолова, а, наоборотъ. Впрочемъ, это не мѣняетъ дѣла, такъ какъ родственныя связи между чинами сановниками остаются ненарушенными.

А. Нар—ъ.

Бѣдная свободная печать.

Простыя рѣчи.

II.

Царское правительство не стѣсняется. Вопли и стоны задавленныхъ нашимъ режимомъ гражданъ на разжирѣвшую свору богачей—„командировъ“ не дѣйствуютъ. Міросозерцаніе безпардонныхъ министровъ, хулигановъ-губернаторовъ и всей той что присосалась къ командѣ устроителей нашей жизни, не мѣняется.

Еще годъ назадъ нельзя было сказать, до чего мы дойдемъ. Въ прошломъ году гнали, сажали въ тюрьмы, разсылали по Архангельскамъ, вѣшали и морили голодной смертью всѣхъ, кто находилъ въ себѣ силу поднять свой голосъ въ защиту поправнаго и униженнаго чловека.

Тогда это было естественно. Мы жили при татарскомъ режимѣ; мы лизали руки, которые насъ били, и боялись ногъ, которыя насъ топтали. Мы не смѣли тогда кричать: «долой самодержавіе»—потому что сами-же были развращены самодержавнымъ строемъ: мы не вѣрили въ себя, не надѣялись на свои собственные силы, относились подозрительно къ окружающимъ. Наши сыновья дѣлали себѣ карьеру, выискивая враговъ самодержавія. Наши отцы доносили на насъ царскимъ жандармамъ о первыхъ порывахъ нашего юнаго негодованія противъ произвола рабовъ тьмы, доносили изъ боязни нарушить подлое спокойствіе своей сѣрой, глупой, задавленной самодержавнымъ режимомъ жизни. Наши братья видѣли въ насъ враговъ: или они душили насъ, или мы ихъ...

Появлялись борцы. Были борцы честные, смѣлые, герои. Они гибли въ крѣпостяхъ и на висѣлицахъ. Кургузой амнистїи дождались не многіе и не всѣ. Были «борцы» и другіе, борцы съ туго-набитыми карманами, съ буржуазной любовью къ «человѣку», а не къ людямъ.

Теперь время перемѣнилось. Властный голосъ возставшихъ противъ гнета «командировъ» и богачей звучитъ твердо и грозно:

Долой самодержавіе! Долой власть, поработившую обдѣленныхъ!

Не только рабочій пролетаріатъ, или пролетаріатъ въ томъ смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ—двигатель революціи. Всѣ, кому живется не вольготно на Руси,—агенты революціи ея.

Человѣкъ много или все потерявшій скорѣй пойметъ горе и отчаянье людей теряющихъ... Мы теряемъ самое дорогое для насъ, что мы приобрѣли цѣной страшныхъ усилий, цѣной труповъ...

Начинается реакція... Самодержавіе хочетъ справить свой предсмертный балъ... Правительство обмануло народъ. Тѣмъ хуже и тѣмъ лучше!

С. Усачъ.

Подъ выстрѣлы.

Выстрѣлы утромъ и днемъ,
Ночью гремѣть повторяются;
Выстрѣлы въ сердца моемъ
Стонами жертвъ отзываются.
Жертвы на горе странѣ
И палачамъ—на потребу...
Братья! мерещется мнѣ
Кровь вопіющая къ небу.

Николай Пановъ.

Человѣкъ въ цилиндрѣ, человѣкъ въ картузѣ,

волкъ и зайцы.

(Сказочка).

Шли два путешественника черезъ темный лѣсъ въ неизвѣстную страну искать счастья.

Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ дорогое платье, на голову напялилъ цилиндръ, а въ рукахъ держалъ тросточку съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Другой былъ въ картузѣ, а дорогому костюму предпочелъ красную рубашку.

Шли, они шли, то мирно разговаривая, то поругиваясь и ссорясь, какъ вдругъ встрѣтили сѣраго волка.

Волкъ оскалилъ зубы, грозно посмотрѣлъ на нихъ и спросилъ хриплымъ басомъ:

— Куда вы идете, такіе-сякіе? Гдѣ ваши паспорта?

Тотъ, что былъ въ цилиндрѣ отвѣчалъ:

— Ваше волчье величество! Иду я въ неизвѣстную страну искать счастья. Но если вашему величеству не угодно, я могу повернуть обратно. Повиноваться и пресмыкаться—это тоже великое счастье.

Волкъ усмѣхнулся:

— Ну, братецъ,—сказалъ онъ: ты кажешься изъ либераловъ: иди, куда хочешь. Такіе намъ не опасны... А ты куда прешь?—обратился онъ къ человѣку въ картузѣ.

Красный человѣкъ ничего не отвѣтилъ, вынулъ лукъ и стрѣлой пронзилъ волчье сердце...

«Побѣда!»—раздался торжествующій крикъ.

«Побѣда!»—повторило эхо.

Человѣкъ въ картузѣ оглянулся и увидѣлъ, какъ его спутникъ, тотъ, что напялилъ на голову цилиндръ, билъ себя въ грудь, трясся отъ радости и громко вопилъ:

«Побѣда!»

Со всѣхъ сторонъ собѣжались зайцы, поднявъ свои длинныя уши, и, прыгая около восторженнаго господина въ цилиндрѣ, съ оглядкой вторили ему пискливыми голосами:

«Побѣда! Побѣда!»

Человѣкъ въ красной рубашкѣ нахмурился и тихо сказалъ:

«Пусть торжествуютъ зайцы! Я побѣдилъ волка, а на зайцевъ—плевать!..»

Татьяна У.

ШАРЖИ.

I.

Встрѣчаются два франта

— Paul, ты грустенъ?

— Что дѣлать, mon chér: ходятъ слухи, что ввиду революціи и Камилла, и Біанка, и Сюзета уѣзжаютъ за границу.

— Экъ, нашелъ о чемъ беспокоиться! Ихъ замѣняютъ наши свѣтскія дамы. Вѣдь онѣ теперь вездѣ замѣняютъ забастовавшихъ.

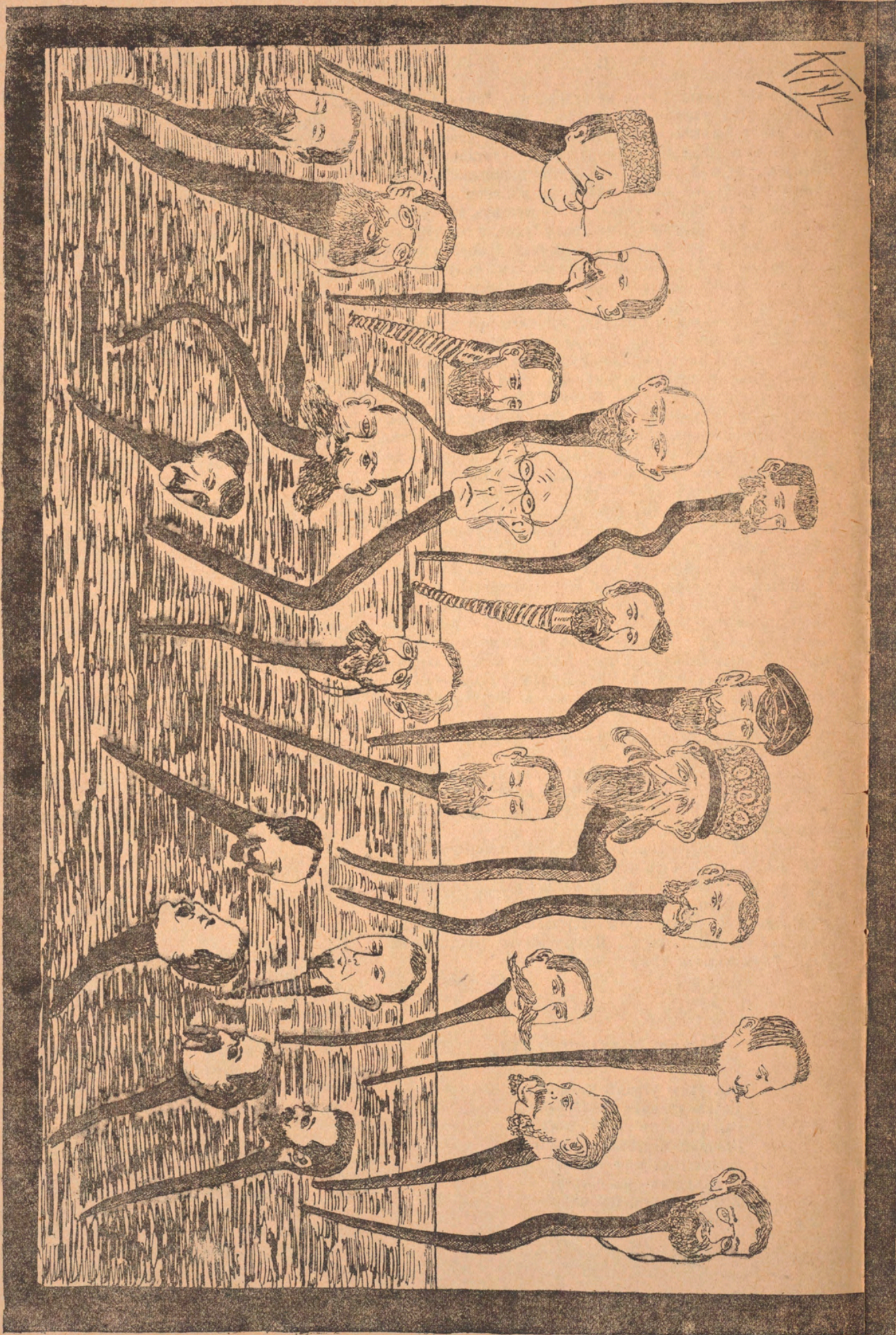
II.

Тоже „патреотъ“.

— Ярема! чортъ! ей, слышь ты, вездѣ эфти самыя бастовки. Давай, лѣшой ты этакій, и мы, значить, бастанемъ, бросимъ винище поганое хлѣстать!

— Ты эфто что-жъ, въ ротъ-те ризацію! да какъ ты смѣешь мнѣ такі охальныя слова доказывать, чтобы я, патреотъ, да убилъ ка-ѣ наносилъ? — да я те въ рыло!..

Ми.

Предоставляется самим читателям, узнать по портретам имена ржавых гвоздей, наколоченных по пути кь свободѣ...

Музей рѣдкостей.

(Спб. Маринскій дворецъ).

Открытъ ежедневно отъ 12 ч. дня до 12 ч. другого дня.
Каталогъ.

№ 1. Треповъ*, вампиръ. Питается исключительно человѣческой кровью, не брезгаетъ женщинами и дѣтьми. Не жалѣетъ патроновъ, почему хозяинъ музея, принужденъ былъ устроить вентиляцію. Проситъ близко не подходить, въ виду необыкновенной кровожадности звѣря.

№ 2. Побѣдоносцевъ*, египетская мумія. Найдена при раскопкахъ близъ древнихъ Оивъ. Судя по сохранившейся одеждѣ, принадлежалъ къ кастѣ жрецовъ. Вѣришь всего, что былъ верховнымъ жрецомъ храма Аммона Оиванскаго, и носилъ титулъ „начальника служителей боговъ сѣвера и юга“. Если не разсыпится отъ переменъ климата, можетъ сохраниться еще тысячу лѣтъ.

№ 3. Дурново, настоящій нильскій крокодилъ. Съ особеннымъ аппетитомъ глотаетъ почтово-телеграфныхъ служащихъ. Желудокъ каменный. Перевариваетъ не только суффле (soufflet), но и березовую кашу.

№ 4. Ламсдорфъ, японская обезьяна. Смѣсь павиана съ макакой. Очень рѣдкій экземпляръ. Знаетъ ноты. Приглашается на всѣ придворные концерты. Съ большимъ искусствомъ играетъ «Гейшу».

№ 5. Бирилевъ, рыба—пила. См. Энцикл. словарь Брокгауза и Эфрона. Тѣло удлинненное, спереди плоское, морда вытянута въ узкую длинную полосу или пилу, образованную удлинненіемъ носового хряща; два маленькія дыхательныя отверстія, закрываемыя клапанами, лежатъ позади глазъ; заднепроходный плавникъ отсутствуетъ, и т. д.

№ 6. Редигеръ, моментъ. Съ трудомъ удалось поймать. Надо полагать, скоро убѣжитъ, какъ только пройдетъ минута. Впрочемъ такой дешевый экземпляръ, что не жалко.

№ 7. Павловъ, извѣстный разбойникъ и душегубъ. Въ настоящее время страдаетъ маніей величія. Вообразилъ себя великаномъ-инквизиторомъ. Иногда ему кажется, что онъ быкъ. Проситъ лицъ, одѣтыхъ въ красный костюмъ, сторониться. Кусается.

№ 8. Манухинъ, получеловѣкъ-полумуравей. Вѣсьма оригинальная игра природы. Какъ потомокъ муравья, сохранилъ воинственный пылъ. Очень любитъ пулеметы.

№ 9. Фридериксъ, человѣкъ съ большими усами, и больше ничего.

№ 10. Витте, американская серебристая лисица. Только что вывезена изъ Америки. Питается косялами и зайцами, но зайцевъ не ѣстъ. Пыталась съ кѣмъ-то породниться, но неудачно. Умѣетъ сидѣть между двухъ стульевъ. Большая любительница литературы. Однако печатается только въ юмористическомъ изданіи.

Примѣчаніе: №№, обозначенные звѣздочкой, уже проданы любителямъ по дешевой цѣнѣ. Остальные номера скоро пойдутъ съ аукціона.

Въ скоромъ времени ожидаются новые экземпляры изъ животнаго и минеральнаго царства.

Тутъ же продаются слабительныя пилюли и «Правительственный Вѣстникъ».

Зубъ.

ЧУДНОЙ КОРОЛЬ.

(Съ испанскаго).

Жилъ былъ давно король Альцесгъ,
Бранившій вольнодумцевъ гнѣвно,
За манифестомъ манифестъ
Давалъ странѣ онъ ежедневно;
Въ смущеніи, смуты порицалъ,
Рабамъ обманно общая,
По снятіи съ нихъ цѣпей, ональ,
Блаженство неземного рая;
Когда-же умеръ, всѣ о немъ
Твердили: будто-бъ манифестнымъ
Призналъ Альцеста королемъ
Самъ Богъ во царствіи небесномъ.

Николай Пановъ.

Генераль отъ Краснаго Креста уходитъ.

Мы получили слѣдующій куръезъ:

Редакція ежедневной демократической и социалистической газеты

„С В О Б О Д А“

С.-Петербургъ, Невскій, 74.

Цѣнный пакетъ въ 25 руб.

С.-Петербургъ, Апраксинъ переулочъ, д. № 21.

Г-ну Гершену-Исааку Соломоновичу Шкилевскому,

владѣльцу типографіи подъ фирмою «Трудъ и Польза»

Милостивый Государь!

Симъ объявляю Вамъ и вашему компаньону Хаиму Беркову Ясногородскому:

1) Вамъ завѣдомо извѣстно: а) что нѣкто С. И. Чепурный самовольно имѣетъ себя издателемъ еженедѣльнаго общедоступнаго иллюстрированнаго сатирическаго журнала „Свобода“ и б) что издательницей законно разрѣшенной 27-го октября 1905 г. большой ежедневной газеты „Свобода“ состою я, нижеподписавшаяся, что на эту газету тогда же открыта и идетъ большая подписка, а самая газета начнетъ выходить съ 1-го января 1906 г.

2) Зная это, Вы все-таки тайно набрали и тайно выпустили въ свѣтъ 27-го ноября (и при томъ не имѣя отъ г. Чепурнаго установленнаго 5 ст. закон. о печати свидѣтельства) вышеупомянутое издание С. Чепурнаго подъ названіемъ „Свобода“, и мало того готовитесь слѣлать еще слѣдующій выпускъ.

3) Такими дѣйствіями Вы и Х. Ясногородскій умышленно, изъ корысти причинили мнѣ очень значительный матеріальный и моральный вредъ и убытокъ. Я на организацію дѣла и такъ уже истратила 15,000 руб., самое издание ежедневной газеты мнѣ стоитъ свыше 200,000 руб. Я уже не говорю о нравственной сторонѣ дѣла: еще не было въ русской печати такого позора — пользоваться чужимъ названіемъ широко поставленной газеты для строго макулатурнаго полуграматнаго листка.

На основаніи изложеннаго, въ охраненіе своего законно существующаго права собственности на изданіе съ названіемъ „Свобода“ — которые не отдѣлимы, — въ огражденіе себя отъ дальнѣйшихъ большихъ убытковъ и своего добраго имени отъ нареканій, а также въ отстраненіе всякихъ недоразумѣній, я симъ предлагаю Вамъ и Х. Ясногородскому:

1) Прекратить немедленно и навсегда въ Вашей типографіи какого бы то ни было изданія подъ названіемъ „Свобода“. Въ противномъ случаѣ я немедленно привлеку васъ обоихъ къ судебной отвѣтственности со взысканіемъ всѣхъ понесенныхъ мною очень большихъ убытковъ.

2) Вашего отвѣта я буду ожидать однѣ сутки.

3 Декабря 1905 г.

Издательница ежедневной газеты „Свобода“ **ДВОРЯНКА Марія Θεодоровна Голицынская.**

Мы помѣщаемъ этотъ дикій документъ мнимо-соціалистической (?) газеты „Свобода“, чтобы истинно-соціалистическимъ партіямъ сразу стало бы ясно, какого характера органъ, который угрожаетъ намъ судомъ. Мы не спрашивали никакихъ разрѣшеній на основаніи постановленія „Союза въ защиту свободы печати“ и „Союза“ владѣльцевъ печатныхъ заведеній». О томъ, что г. Подлигайловъ получилъ право на изданіе своей газеты 27 октября, мы не могли знать и не интересовались, кто запрашиваетъ и что у Главнаго управленія по дѣламъ печати. Объявленіе же о выходѣ въ свѣтъ нашего журнала „Свобода“ появилось днемъ раньше. Такимъ образомъ скорѣй мы можемъ упрекнуть г. Подлигайлова въ кражѣ нашего имени.

Впрочемъ нѣтъ надобности объяснять нашимъ читателямъ, какого рода будетъ изданіе г. Подлигайлова. Его направленіе явнаго провокатора выяснилось въ прилагаемомъ письмѣ на имя гг. Шкилевскаго и Ясногородскаго.

Редакторъ еженед. журнала „СВОБОДА“

Студентъ С. Усасъ.

Р. S. Мы отвѣчаемъ нѣкому г. Подлогайлову, (не тому-ли что издавалъ когда то реакціонную, а не соціалистическою газетку). Г-жѣ **ДВОРЯНКѢ-СОЦІАЛИСТКѢ** Маріи Θεодоровнѣ Голицынскій просто скажемъ: «стыдно, **ДВОРЯНКА!**».

У.

Пѣсня о грозномъ усмирительѣ.

...Какъ нынѣ собирается
Вѣщій Олегъ...

А. Пушкинъ.

Какъ нынѣ собирается лейбъ-генералъ
Крестьянъ усмирять беззащитныхъ,
Ихъ села и нивы во власть онъ мечталъ
Казаковъ отдать ненасытныхъ.

Съ дружиной разбойной, въ желѣзной бронѣ,
Онъ по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Выходитъ мужикъ изнуренный:
То рвущійся къ свѣту и проклявшій тьму
Крестьянинъ Руси обновленной.

Въ трудахъ непосильныхъ онъ долго страдалъ,
И грозно подѣхалъ къ нему генералъ.

«Скажи мнѣ скотина, подлецъ, негодяй:
Кто къ бунтамъ крестьянъ подстрекаетъ?
Гдѣ хлѣбы помѣщиковъ,—все объясняй,
Иначе казакъ отстегаетъ!»

Открой мнѣ всю правду, тогда отъ меня,
На водку получишь полтинникъ, свинья!»

«Къ нагайкамъ казаковъ привыкъ я давно,
Грози, коли хочешь, солдату,
А водкой все сердце мое сожжено,
Не весело нашему брату.

Сказать я скажу о твоёмъ лишь концѣ,
Я вижу твой жребій на сытомъ лицѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:

Тирану убійство—отрада,
Запятнано кровію имя твоё,
Вельможный лакей Петрограда.

Казаки опричники вѣрны тебѣ,
Завидуетъ дьяволъ столь темной судьбѣ;

Не тронетъ тебя плачъ малютокъ дѣтей,

Ни взоры крестьянки пригожей,

Ни стонъ стариковъ, ни слеза матерей:

Вѣдь ты генералъ толстокожій!

Подъ кожей слоновую сердце молчитъ,

Лишь лютая злоба въ тебѣ говорить.

Ты страха не знаешь, ты смѣлый тиранъ,

Ты хочешь натѣшиться въ волю.

Ты въ тюрьмы посадишь избитыхъ крестьянъ,

Осудишь на злую неволю.

Но знай! не вернешься живымъ ты домой...

Сраженный безстрашно метящей рукой,

«Вспороть!» закричалъ генералъ разсердясь,

И въ городъ поѣхалъ смущенный.

На утро выходитъ онъ къ дамѣ, смѣясь,

Внимательный и благосклонный.

И женской рукою на мѣстѣ убитъ,

Упалъ онъ безпомощно кровью залитъ.

Сергій Безпросвѣтлый.

СОБОРЪ КАМАРИЛЬИ.

На соборѣ нечестивомъ
Камарилья возсѣдала,
Чтобъ гражданскую свободу
Вскорѣ сбросить съ пьедестала;
Разорвать премьеръ-министра
И портфель его на части,
Предоставивъ мракобѣсамъ
Рычаги могучей власти.
Больше всѣхъ Побѣдоносцевъ
Волновался, брызгалъ пѣной;
Графъ Игнатъевъ нѣжно, сладко
О репрессахъ пѣлъ сиреной.
Дурново, порядка ради,
Предлагалъ сдиранье шкуры
Съ гражданъ мирныхъ и не
мирныхъ

И введеніе диктатуры, —
На Игнатъева, на графа,
Всѣ указывали прямо,

Лишь молчалъ, ходилъ, вздыхая,
Нѣкто семо и овамо;

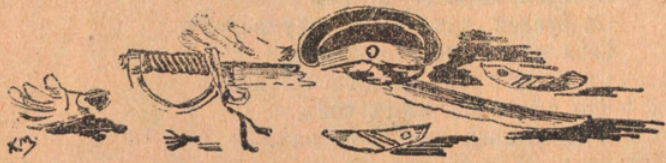
Онъ вникалъ въ ихъ рѣчи, дѣлалъ

Безполезныя усилія

И не зналъ—какъ съ нимъ поступить

На соборѣ Камарилья.

Николай Пановъ.

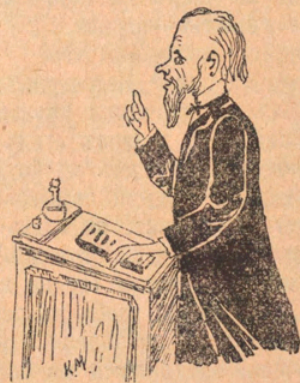
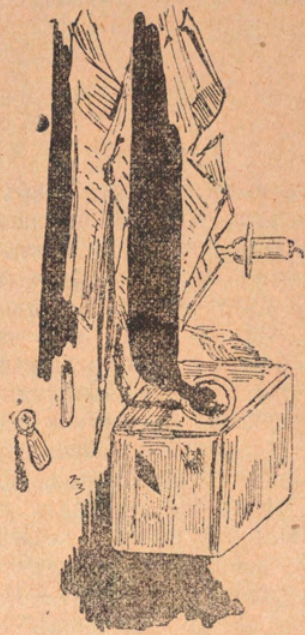
Нагайка: «я все-же выше закона!»

Зловѣщій сонъ.

Иванъ Кронштадтскій, говорятъ,
Не спалъ ночей пять-шесть подрядъ;
Уснулъ, проснулся, подивился,—
Зловѣщій сонъ ему приснился:
Геену видѣлъ и на днѣ—

Побѣдоносцева сердитымъ
Съ брадой, какъ быть тому во снѣ,
Себя-же наголо обритымъ
Съ Владиміромъ Митрополитомъ.
Что означаетъ этотъ сонъ,
И самъ пока не знаетъ онъ.

Радіусъ.

Не вѣрьте имъ.

Сборы въ походъ.

На кушеткѣ валялась молодая полная дама.

Вздъ и впередъ по будуару нервно ходилъ ея супругъ, полковой командиръ, теребя свои крашенные усы.

— Сегодня обѣдать дома не буду,—сообщилъ онъ.

— Значить опять въ клубъ?—ядовито улыбнулась жена.

— Какой тамъ, матушка, клубъ! До клубовъ-ли тутъ! Въ четыре часа выступаемъ; громить институтъ будемъ.

— Какъ институтъ? Чѣмъ-же провинились институтки?

— Ну, конечно, не женскій, а этихъ машинистовъ, чортъ ихъ деръ! Въ пять часовъ у нихъ этотъ митингъ анафемскій...

— Боже, какъ ты выражаешься!—возмутилась командирша,—да вѣдь тамъ мой двоюродный братъ...

— И очень радъ, что онъ тамъ! Ухлопаемъ, такъ однимъ негодяемъ меньше будетъ!

— Да что съ тобой, Семенъ Ильичъ? Опомнись! Ты совсѣмъ хищнымъ звѣремъ сталъ... крови жаждешь...

— Поневолѣ будешь хищнымъ звѣремъ, если ты вѣчно меня сердишь!

Командиръ былъ очень недоволенъ своей супругой, которая уже недѣли двѣ, жалуясь на нездоровье, посылала его спать въ кабинетъ.

Это заставило его еще сильнѣе ревновать ее,—къ кому, онъ и самъ не зналъ.

— Намъ такихъ, какъ онъ, не надо!—рычалъ уже онъ, подойдя вплотную къ кушеткѣ,—да, не надо!

— Боже, какъ вы страшны!—перешла на «вы» супруга,—даже смѣшно!

— Тутъ не до смѣха, сударыня! Основы государства колеблются... насъ хотятъ по боку! Милиціи добиваются...

— Какой Милицы? Милица—вѣдь это супруга того, какъ его?..

— Оставьте, сударыня, ваши каламбуры! Мнѣ не до нихъ! Безъ мѣста, пожалуй, останусь, вотъ что-съ! А такихъ, какъ онъ, намъ не надо! Намъ надо вѣрныхъ слугъ Престола... вашъ-же братецъ крамольникъ, да-съ.

— Что это за слово крамольникъ? Забастовщикъ, что-ли?

— Я и самъ, матушка, не знаю, но слово скверное!.. А его я въ нашемъ домѣ не потерплю!—топалъ ногами командиръ.

Супруга покатывалась со смѣху.

Въ офицерское собраніе влетѣлъ, какъ бомба, юный поручикъ Вралева, весь красный и сія радостью.

— Господа, ликуйте!—чуть не задыхаясь, кричалъ онъ,—въ четыре часа идемъ студентовъ бить! Такіе типы, что руки зудятъ!

— Полноте, Вралева,—остановилъ его пожилой штабъ-офицеръ,—какъ вамъ не стыдно? Кажется уже довольно кровопролитій.

— Это вамъ такъ кажется Петръ Петровичъ, а для меня вовсе не довольно! Такъ пріятно полоснуть шашкой какого нибудь краснаго стрюка. А онъ только присядетъ, и никакихъ!

Другіе офицеры, хотя не всѣ, тоже стали усовѣщевать расходившагося поручика, но Вралева не унимался.

— Помилуйте, господа, довольно безъ дѣла насидѣлись!—ораторствовалъ онъ.—Такъ и тянется въ бой! На дальнемъ Востокѣ сколько георгіевъ за отступленія да за сдачи надавали! А тутъ ужъ не отступимъ и не сда-

димся, шалишь! Я первымъ на приступъ полѣзу, искрошу десятокъ—другой этихъ красныхъ. Георгія по статуту дадутъ! Да и вамъ тоже бѣленькимъ крестикомъ украситъ себя не мѣшаетъ,—не лишнее...

— Полно, полно, Вралева,—заговорили вокругъ него офицеры,—заврался, братъ, оправдываешь свою фамилію! За георгіемъ вздумалъ лѣзть! Ну, кто-же тебѣ въ мирное время георгія дастъ?

— Какое-жъ теперь мирное время?—стоялъ на своемъ Вралева,—теперь государство въ большей опасности, чѣмъ во время войны! А георгія я непременно получу. Если чиновники—стрюки получили офицерскій крестъ за то, что умѣютъ спастись вплавь, такъ ужъ мнѣ-то дадутъ! Потребую, чтобъ составили реляцію: храбро шелъ впереди и, рискуя жизнью, первымъ вскочилъ...

Всѣ смотрѣли на Вралева, какъ на сумасшедшаго, но онъ продолжалъ развивать свою теорію отличій въ бояхъ мирнаго времени.

Въ казармѣ тоже нашелся вдохновитель.

Сверхсрочный служака Чвертка, чуть не съ десяткомъ шевроновъ на лѣвомъ рукавѣ, собравъ молодыхъ, дер-жить имъ такую рѣчь:

— У четыре часа идемъ у походъ на врагоу! Скубенты бунтуютъ, команды не слушаютъ! Сходятся умѣсть, и изъ домоу не выходятъ. Треба бунтоушикоу силкомъ гнати!

— Такъ что бить, стало быть, ихъ надоть, Терентій Данилычъ?—любопытствуетъ безусый краснощекий солдатикъ.

— А то якъ-же-жъ?—подтверждаетъ Чвертка,—бей ихъ у мою голову, щобъ углобздитъ ихъ добре...

— Какъ-же такъ въ вашу голову-то бить—удивляется тотъ-же солдатикъ.

— Се-жъ такъ говоритесь, а бей не у мою, а у ихъ голову! Колы бѣгутъ, такъ у задъ бей. Не жалѣй, а ни-ни, ни Боже мой! Усѣхъ у лоскъ кладь!

Среди солдатъ слышится ропотъ:

— Какъ-же такъ своихъ-то бить? Вѣдь, чай, не турки, не японцы!

— Се-жъ тоже бунтоушики!—негодуетъ свирѣпый Чвертка.

Недовольные расходятся. Чвертка, съ досады, плюетъ.

Львица.

По поводу одного письма въ „Ков. Ж.“

Нѣтъ ничего и въ этомъ страннаго,
Что изъ застѣнка, изъ охраннаго,
Гдѣ для предателей—пріютъ,
Въ печать, съ повинной, письма шлютъ...
Пожалуй, скоро у властителей
Не будетъ вовсе охранителей.

Н. А. Л.

Наши господа.

Слыша цѣлаго города вой,
Гдѣ еще не избиты всѣ люди,
Молвимъ: «Господи милостивъ буди!
Не спасется и въ кельѣ затворникъ,
Коль надъ каждой душой стоитъ дворникъ,
А надъ дворникомъ—городовой!»

ПУЛЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

I.

Въ виду напечатанія въ нѣкоторыхъ газетахъ, вышедшихъ 2-го сего декабря, воззванія, озаглавленнаго «Манифестъ», подписаннаго совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, главнымъ комитетомъ всероссійскаго крестьянскаго союза, центральными комитетами россійской социаль-демократической рабочей партіи и партіи социалистовъ-революціонеровъ и социалистической польской партіи, и заключающаго въ себѣ открытый призывъ къ дѣянію бунтовщическому и къ неповиновенію закона, прокуроръ с.-петербургской судебной палаты, на основаніи 14 пункта ст. 7-й Высочайше утвержденныхъ 24 ноября сего года временныхъ правилъ о повременныхъ изданіяхъ, предложилъ о томъ на разсмотрѣніе судебной палаты.

Судебная палата, въ экстренномъ распорядительномъ собраніи, въ тотъ же день постановила наложить арестъ на нумера, вышедшіе въ свѣтъ 2 декабря, и приостановить до судебного приговора изданіе газетъ: «Сынъ Отечества», «Новая Жизнь», «Наша Жизнь», «Свободный Народъ» «Начало», «Русь», «Свободное Слово» и «Русская Газета».

Опредѣленіе сообщено къ исполненію главному управленію по дѣламъ печати. (СПА).

Изъ Пушкина.

Митя Треповъ отдыхаетъ
Отъ заботы и труда:
Въ Петергофѣ лишь считаетъ
Онъ патроны иногда.
Въ долгу ночь подчасъ не дремлетъ,
Ждетъ все зова—зовъ придетъ...
Тотчасъ онъ приказу внемлетъ:
Встрепенется и пальнетъ...

Грачъ.

I.

Скорбитъ графъ Витте: «нѣтъ людей!»
И самъ, увы! пока не знаетъ—
Кого въ министры выбираетъ
Онъ на безлюдьи нашихъ дней.
Трудна такая теорема:
Необходима помощь Брема.

Н. А. П.

Признаніе Коко.

Обѣдалъ мой кузень Борисъ,
Со мной ѣлъ рисовую кашу.
Я одобрялъ вареный рисъ,
Онъ порицалъ и, распрю нашу,
Мы, кончивъ дракой, разошлись.
Съ тѣхъ поръ, чтобъ я забылъ Бориса,
Мнѣ каши не варять изъ риса.

Придворный.

Маски сорваны.

Послѣдній урокъ, который только что дало самодержавное правительство нашимъ наивнымъ согражданамъ, вообразившимъ, что у насъ „конституція“ и что обѣщанія нашего правительства чего-нибудь стоятъ—векиколѣпень!

Среди бѣлаго дня на глазахъ у всѣхъ по распоряженію свыше нагло были отобраны („конфискованы“) у газетчиковъ всѣ газеты напечатавшія „Манифестъ“ револ. партій.

„Свобода печати“ осуществляется...

Конфискуются газеты—это свобода печати. То-же мы видимъ и съ другими свободами.

Собранія не допускаются—это свобода собраній.

Союзы арестовываются—это свобода союзовъ.

Граждане безъ суда высылаются и заключаются въ крѣпости—это неприкосновенность личности.

Правительство сорвало маски. Такъ лучше; легче съ нимъ бороться,

Редакція.

Печать.

Сплетаея ручищами,
Ногами сѣменя,
Жандармовъ рой кружится,
Гарцуеъ вкругъ меня...
Министры съ дикой злобою,
Съ кривляньемъ егозя,
Шипяъ, рычатъ и каркають:
«Нельзя, нельзя, нельзя!!!»
Но нѣтъ мнѣ заповѣднаго,
Запретнаго пути,
Смѣлѣй, смѣлѣй все буду я
Идти, идти, идти...
Пускай жандармы кружатся,
Гарцуютъ, сѣменя...
Пускай министры каркають
И злятся на меня...

— са —

Призывъ.

Товарищи! Много въ насъ силы!
У всѣхъ насъ въ свободѣ любовь!
Никто не боится могилы,
Никто не щадитъ свою кровь!
Не дрогнетъ никто передъ казнью!
За нами рабочій народъ...
Смѣлѣй! Врагъ отвѣтитъ боязнью!
Смѣлѣе, впередъ!..

— батя —

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ „Нов. Вр.“ появилось объявленіе объ изданіи демократической и социалистической газеты «Свобода», нагло взявшей имя нашего журнала. Предупреждаемъ нашихъ читателей, что какъ эта газета, такъ и всѣ другія изданія, которыя въ дальнѣйшемъ будутъ пользоваться нашей «фирмой», ничего общаго съ нами не имѣютъ, а рассчитываютъ только на загребаніе жара нашими руками.

Контора.

Наше объявленіе о нашей «СВОБОДѣ» появилось ранѣе всѣхъ подражаній.

Отъ конторы.

Настоящій номеръ мы печатаемъ въ 16 стр. съ двойнымъ количествомъ цвѣтныхъ рисунковъ и удвоеннымъ текстомъ въ виду того, что въ настоящемъ номерѣ мы соединяемъ два: воскресный и четверговый. Поэтому-же мы принуждены и увеличить до восьми копѣекъ цѣну номера въ розничной продажѣ.

Слѣдующій номеръ выйдетъ въ воскресенье, 11-го декабря.

Условія подписки остаются тѣ же.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ.

— Митюха, а Митюха! Что-й то значить: неприкосновенность личности?

— Дѣло ты деревенское! Теперича значить законъ такой вывелъ по манихвесту: шею долби, а личность не трожь...

— Тѣтъ... А когда-же фараонамъ совсѣмъ предѣлъ будя?

— Дурья голова! Такъ тебѣ и подай все сразу. Спервоначалу опять стачки будутъ, потомъ, конечно, народъ полундуруютъ, а потомъ уже опять манихвестъ объявятъ: шею молъ тоже не моги... А штобъ ежели што для порядку—валяй подъ микитки, али ребра ломай, какъ кому что енаралъ Треповъ укажетъ.

— Вона какъ... Ну, а потомъ што? Ребра, между прочимъ, тошсь свои, не казенныя?

— Потомъ! Извѣстно — потомъ: такъ всего человѣка по кускамъ и раскровяняютъ. А какъ што расшибутъ — такъ тому мѣсту манихвестъ объявятъ. Такимъ, братъ, манеромъ много знатныхъ манихвестовъ пропишутъ. Да и енаралу Трепову больше гульбы...

— Ишь ты... Въ ротъ имъ пакли!

Шкура.

МУНДИРЪ.

(Маленькая аллегорія).

Жилъ былъ на свѣтѣ расшитый, красивый мундиръ. Много на этомъ мундирѣ было разныхъ брелоковъ, въ видѣ разноцвѣтныхъ орденовъ и восходящихъ и заходящихъ звѣздъ. — Гордился ими мундиръ. Изъ-за нихъ онъ готовъ былъ на всякую подлость, на полное обезличеніе, — готовъ былъ вывернуться на изнанку. — Передъ болѣе красивыми и густо увѣшанными орденами мундирами онъ вытягивался въ струнку и принималъ видъ вопро- сительнаго знака, а съ мундирами похуже и дешевле его былъ гордъ и неприступенъ.

Но все въ этомъ мірѣ не вѣчно, все приходитъ къ естественному концу — къ смерти и полному разрушенію. — И расшитый мундиръ постигла та же участь: онъ сдѣ- лался старъ; ордена и звѣзды не могли уже придать ему той бутафорской солидности, какую имѣлъ онъ въ дни своего напускнаго величія; онъ сталъ тряпкой и былъ выброшенъ за бортъ, украшенный на прощанье, какъ малый ребенокъ, алой лентой.

И съ этой лентой его похоронили...

А брелоки, которыми онъ когда-то побрякивалъ, оста- лись на память его мундирному потомству.

Передъ тѣмъ, какъ зарыть мундиръ въ землю, — кѣмъ-то было сказано заранѣе заученное слово, прозвучавшее поддѣльнымъ сожалѣніемъ и фальшивымъ сочув- ствіемъ къ сошедшему въ могилу мундиру.

А такихъ мундировъ на Руси — масса и все они, умирая, вызываютъ одну лишь досаду на то, что матерія ихъ, купленная на народныя деньги, печально отражается на бюджетѣ русскаго подневольнаго плательщика.

С. Деминъ.

Совсѣмъ изъ Гейне.

Загремѣла гроза, разразилась вокругъ,
Поднялись безпокойные толки...
Наши земцы безгласные съ «братцемъ» своимъ
Ждутъ веселой, торжественной елки.
Поднимаются всюду народъ и войска,
Отлетаетъ навѣки дремота...
Слышны залпы вездѣ — можетъ быть, можетъ быть,
Изъ борцовъ ужъ стрѣляютъ въ кого-то...
Истекаетъ вся родина кровью; угла
Не найти беззащитной свободѣ;
Все надѣются земцы на «братца» еще —
Ихъ дворянскія шпаги въ комодѣ.
Будетъ время подъ старость, собравши внучатъ
И своею гордяся отвагой,
Вспомнивъ Витте, любой скажетъ земець: «О, да
Онъ былъ тоже... со спрятанной шпагой».

А. Гут.

"ПЕРЕПѢВЪ".

Черезъ лѣсъ широкій, зеленью одѣтый.
Г. Гейне.

Черезъ Невскій, электричествомъ залитый
Кто то въ «одинокѣ» бѣшено несется.
Съ торжествомъ онъ громко пѣсни распѣваетъ
И съ веселымъ взоромъ весело смѣется.
Онъ закутанъ шубой, а подъ шубой фракъ есть
Изъ сукна, съ подкладкой, заграничей сшитый.
То графъ Витте, въ свѣтѣ прозванный «Портсмутскимъ».
Первый рыцарь биржи, маклеръ знаменитый.
«Здравствуй!» восклицаютъ бюрократы, «здравствуй!»
Ты, занявшій снова, важный постъ министра!
Рады мы душевно, что съумѣлъ ты ловко
Изъ опалы къ власти перейти такъ быстро!
Весело министру въ Петербургѣ чинномъ.
На дорогѣ къ славѣ, съ властію сугубой
Вдругъ онъ вспомнилъ про рабочихъ русскихъ
И закрылъ лицо скорѣ лисьей шубой.

Евюдна.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

„СВОБОДА“

Еженедѣльный общедоступный иллюстрированный социалистическій журналъ.

Выходить по воскресеньямъ въ 8—16 страницъ

Большое мѣсто въ журналѣ удѣляется политической сатирѣ.

Въ литературномъ и художественномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе гласнымъ образомъ.
молодыя силы.

Редакція обращается къ читателямъ съ просьбой присылать злободневный матеріалъ по адресу:
Николаевская, 73.

Рукописи и рисунки должны быть за подписью и съ адресомъ автора. Неподписанные не печатаются. Если авторомъ не указанъ желаемый гонораръ, присланное оплачивается по усмотрѣнію редакціи. Возвращеніе рукописей и рисунковъ для редакціи не обязательно.

Цѣна отдѣльнаго номера 5 копѣекъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА СЪ 1-го ДЕКАБРЯ 1905 ГОДА:

На 4 мѣсяца.	{ Съ доставкой и пересылкой; }	Одинъ рубль.
На 1 годъ		Три рубля.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ: строка петита 20 коп.
1/4 страницы. 15 руб.
1/2 » 25 »
1 » 50 »

Редакція и контора: Николаевская, 73.

Контора открыта ежедневно съ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Пріемъ въ редакціи отъ 11 ч. утра до 1 часа дня.

Издатель С. И. Чепурный.

Редакторъ С. М. Усасъ.
Отвѣтственный редакторъ А. М. Гутьяръ.

Номера „Свободы“ продаются: въ Бѣлостокѣ—книжный магазинъ І. Каганъ; въ Витебскѣ—вокзалъ Книжн. торг. Богдановича; въ Киевѣ—книжный магазинъ Стрижова; въ Лодзи—книжный магазинъ Валлахъ; въ Минскѣ—вокзалъ, книжная торговля Герасимовой; въ Псковѣ—книжный магазинъ Петрова. Въ Москвѣ у всѣхъ газетчиковъ и въ кіоскахъ.

Плеве и Сипягинъ: Добро пожаловать, генералы!
Многимъ еще есть мѣсто...

